

Поэт, литературный критик, культуртрегер. Живет в Москве (Россия).

Людмила ВЯЗМИТИНОВА

Я дышу в любую погоду...

* * *

На шумный и веселый карнавал
тебя завел я, вежливо скучая.
Там кто-то – в блестках – маски раздавал,
и мне досталась маска негодяя.
На миг цунами музыки притих,
лишь тренькала чуть слышно балалайка.
И в этот навсегда ушедший миг
я подал руку маске-негодяйке.
Как весело мы с ней пустились в пляс!
Как волновались и глаза, и чресла!
А ты взглянула ласково на нас
и, улыбнувшись, навсегда исчезла.
Клянусь: рванулся сразу за тобой...
Но воздух вдруг стал холоден и плотен,
и, прошептав чуть слышно «Боже мой»,
я ощутил, как маска стала плотью.
С тех пор неспешно протекли года...
И, став границей между рано/поздно,
меж верх и низ и между нет и да,
густеет маска, прирастая к мозгу.

* * *

вот и нет у тебя жены
есть зима и воздух горячий
из решетки резной стоячей
и рисунок кудрей парящий
по-над памятью говорящей
вот и нет у тебя жены
есть свобода от ближних давлений
кубометры пространств без волнений
мириады других измерений
и фигур для волеизъявлений
только нет у тебя жены
рах robiscum – яну без ини
то не слезы, то звездный иней
серебрящий Господне имя
по-иному для ян – отныне
по-иному для инь – отныне

* * *

Разве что-нибудь было иначе
в наслоении эпох и событий?

Будто кто-то невидимый плачет,
глядя времени долгие нити...
Разве что-нибудь было иное
зашифровано в солнечном свете,
в сфере сплюснутой шара земного,
в жажде жизни на этой планете?
Разве небо, вращаясь по кругу,
не едино в едином движении?
И тяну пятипалую руку
вверх,
в извечной тоске постиженья.

* * *

То дождь,
то снег
в плену у поздней осени
сменяются над пустошью полей,
среди серого дая минуты просини...
Мне все равно.
Ни легче,
ни больней.
Я – чучело.
Набор тряпья случайный,
развешанный по доскам кое-как.
Безглазым взглядом серый день встречаю,
вливаясь ночью в общий влажный мрак.
Любое дуновение дня приемлю.
Теряет смысл понятие «протест»:
я крест свой не несу, он вросший в землю,
я, в сущности, и есть тот самый крест.
Мир движется
– куда? –
со мною вместе.
Качает ветер рваное тряпье.
На досках рук
– как куры на насесте –
крикливое расселось воронье.

* * *

Забывают, что руки – крылья,
открывая глаза, как блюдца.
Наяву полеты забыли,
а во сне о полеты бьются.
Тонкий слой одряхлевшей почвы,

обнимая, питает ноги.
Я летаю и днем, и ночью,
разбиваясь, подобно многим.
Тротуары, шрамы и годы –
все отчетливей, все бесстрастней.
Я дышу в любую погоду.
Задыхаюсь только по-разному.

* * *

вот и вся наша жизнь
непонятно какая
вот и вся наша жизнь
расписная-резная
потеряется взор
от неистовой пляски
непонятен узор
и меняются краски
то ли рай, то ли хлев
то ли храм, то ли бойня
лишь бы был вкусен хлеб
лишь бы не было больно
ни иметь, ни отнять
ни лететь, ни разбиться
и нельзя разгадать
как нельзя не родиться
темный лес, белый снег
серый дождь, сине море
не дожидаться вовек
нам ни счастья, ни горя

* * *

Я живу только летом,
когда солнце в глазницах.
Не забудьте об этом,
чтоб со мной не сродниться.
Ни случайно-неволью,
ни с расчетом резонным,
чтобы не было больно
Вам закрытие сезона.
Чтобы Вас не штормило,
и в порыве безбожном
все, что не было/было,
не назвали Вы ложью.
Когда осень остудит

мира облик парадный,
меня просто не будет,
чтоб прийти и быть рядом.
Солнца диск не удержишь
ни всерьез, ни играя.
Все меняют одежды,
я к зиме умираю.

* * *

Просись ужиться в стае псов,
коль нету выхода из псарни.
Задвинув душу на засов,
скули и лай, и вой,
часами
тверди себе
о том,
что ты...
ты пес,
ты пес,
ты очень хочешь...
и странный голос пустоты
не замечай во мраке ночи.
И если дождь не смоем слизь,
и солнце не спалит покровы,
ступай во храм.
Сквозь лай –
молись
о том,
чтобы родиться снова.

* * *

Гремел огромный барабан
о дне свершений.
Прекрасен был его обман
и совершенен.
И шли к нему, за рядом ряд,
сквозь тучи пыли.
И насыщались все подряд
и уходили.
Был судный день наоборот –
парад желаний.
И я упорно лез вперед –
меня держали.
И мне кричали: «Погоди!»

из опасенья.
«Сначала строим походи,
побудь со всеми».
И мне шептали: «Не спеши!
Тебе же лучше.
Сдержи незрелый крик души,
себя не мучай!»
Ушел на запад пыльный день,
а я — со всеми.
Несла толпы огромной тень
суть опасений.
Слизала ночь со влажных щек
след неудачи.
Мне посчастливится еще...
А как иначе?

* * *

Я люблю тебя через тлен и прах,
я люблю тебя на семи холмах,
я люблю тебя через боль и страх,
через слово «друг», через слово «враг»,
через слово «жизнь», через слово «смерть»,
через лай и визг и глагол «не смей»,
пусть закон для всех, и диктует плеть,
и в зенит вдвоем не дано лететь.
Через тлен и прах, через боль и страх
я люблю тебя на семи ветрах,
и не видно слез на моих глазах,
лишь огнем горит солнце в небесах.

* * *

Это все попущенье Божье —
от зачатия до падения.
У тебя горячая кожа,
остальное — мое наваждение.
Это все бунтари на ветках
небеса славословят в трубы.
Ты бываешь ласковым редко
и почти не бываешь грубым.
Это все от корней истоки,
поднимаясь, питают крону.
Никогда ты не был жестоким,
только был всегда посторонним.
Это всё царапин ожоги

на отвесном пути к подножью.
Если я имею чужое,
то возьми его, Господи Боже.

* * *

Снежных деревьев лица,
окон слепые блицы.
К небу совсем не стремится
вросший в фундамент дом.
В блёклой неба водице
низко плавают птицы.
Плавится луч денницы,
скупое даря теплом.
Мёрзлой поры страница
дымом жилищ клубится.
Все живое стремится
к пламени очагов.
В узких его границах
тело земли искрится.
Пепел летит и кружится,
серым письмом ложится
на пустоту снегов.

* * *

Склоняюсь в благодарности судьбе —
неслышный ток ее ласкает Землю.
Мой каждый шаг по жизни был — к Тебе,
и я её, беспутную, приемлю.
И если я в огне своём сгорю,
исчезну, в фейерверке звездопада
воскреснет голос мой: Благодарю!
Другой судьбы, другой любви — не надо!

Подборка на портале "[Экземпляр](#)", сентябрь 2018.

